

«Положение улучшается...»

(Парадоксы “Пушкинского уголка” в конце 20-х гг.)

17 ФЕВРАЛЯ 1927 г. ленинградские корреспонденты “Правды” передали по телефону в редакцию газеты ходатайство уполномоченному Наркомпроса, в котором содержалось предложение о переносе праха А.С. Пушкина с места его захоронения в Пушкинских Горах в Ленинград. Ходатайство подписали 225 служащих, рабочих и студентов, предлагавшие в поддержку своего предложения объявить всесоюзную подписку. Сообщение об этом в тот же день было опубликовано в “Правде”. Ходатайствующие о перенесении праха поэта в Ленинград исходили из того, что “могильный холм постепенно оползает, а из-за неудовлетворительного сообщения сильно затрудняется посещение могилы поэта массой экскурсантов”. В беседе с корреспондентом заведующий Пушкинским домом АН СССР Б.Л. Модзалевский заявил, что “вопрос о перенесении праха поэта в Ленинград уже поднимался покойным пушкинистом академиком Котляревским”, к тому же “мысль эта соответствует воле поэта, как это ясно видно в последних его произведениях”. А заведующий реставрационными мастерскими Главнауки архитектор Удаленков конкретизировал предложение так: “Технически вопрос о перевозке тела Пушкина не представляет больших

затруднений. Наоборот, перенесение праха необходимо, т.к. оползни грозят совершенно уничтожить и засыпать могилу поэта”.¹

Предложение это родилось и под влиянием неоднократно печатавшихся сообщений о фактах “бесхозяйственности” и даже варварских поступков на территории “Пушкинского уголка”, имевших место после объявления этих мест Декретом СНК от 17 марта 1922 г. заповедными, а также неналаженности их охраны. “Домик няни сильно разрушен, - говорил, например, в докладе по итогам поездки в Пушкинские места (сентябрь 1925 г.) ленинградский профессор Елагин. - Несмотря на надпись с просьбой охранять этот единственный дом, оставшийся от времен Пушкина, все стены домика изрезаны надписями. За последний год в доме три раза крали оконные рамы. Крыша сильно течет, и в связи с этим домик сильно разрушается внутри.

В усадьбе с. Михайловского - запустение. Деревья вырубаются, в парке пасется скот. Любое вековое дерево можно с “благословения” лесника срубить, распилить и вывезти за 75 коп. За лето в парке вырублено 130 вековых деревьев...”²

Вскоре в ленинградской “Красной газете” на основании этих материалов появилась заметка “Ограбление Пушкинского заповедника”.

Доклад профессора Елагина дополнил новыми фактами и псковский краевед К.А. Иеропольский, сообщивший о ненормальной об-

Филимонов Анатолий Васильевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского пединститута.

становке вокруг могилы поэта: “Имеет место свободное обращение с заповедным лесом, у могилы поэта снята чугунная калитка, а сама могила не охраняется. Часть музейного материала, хранившегося в Святогорской библиотеке, была сложена в бывшую монастырскую церковь и там подверглась разгрому, причем похищены ценные предметы пушкинской эпохи... Среди похищенных вещей был и старый самовар-ваза, принадлежавший Осиповой - владелице Тригорского - приятельнице поэта...”³

Сигналы эти были услышаны не только в Ленинграде и Пскове, но и в уездном городе Опочка. Опочечкий уисполком и отдел народного образования назначили специальную комиссию, которая провела тщательное обследование “Пушкинского уголка” и выявила, что “сообщения о заповеднике... в значительной степени не соответствуют действительности”: “не 130 деревьев..., а 200 срублено, и в том числе 7 дубов из знаменитых пушкинских “часов” в Тригорском парке, но все эти порубки до 1924 года... Порубки в лесах заповедника надо различать на хозяйственные и самовольные. Первые произведены по указаниям комиссии лесоводов (бурелом и сухостой), полученный материал израсходован на ремонт и постройки. Самовольные порубки за истекший год свелись, можно сказать, к нулю. За год срублено 25 деревьев... Осенью 1924 г. засеяно хвойными породами 7 дес., и молодежь хорошо пошла в рост...”⁴ В то же время факт хищения музейного имущества из церкви бывшего Святогорского монастыря подтвердился: воры проникли в подвальное помещение

потайным ходом в стене. “Что касается могилы Пушкина, - свидетельствовала комиссия, - то она в сохранности, находится под деревянным чехлом и охраняется. В отношении заповедного леса со стороны отдельных лиц имеются злоупотребления в виде самовольных порубок; лес охраняется только двумя лесниками, которые охранять полностью лес при всем своем желании не могут. Обнаруженные лесонарушители привлекаются к судебной ответственности...” Ввиду отсутствия необходимого штата для охраны музейного имущества Президиум Опочечкого уисполкома 23 марта 1926 г. поставил через губисполком вопрос перед Главнаукой о выделении средств на содержание сторожей, в противном случае предполагал перевезти часть вещей в Опочку.⁵

Следовательно, местные органы власти при поддержке общественности оказывали посильную помощь руководству заповедника в сохранении и благоустройстве “уголка”. Тревожило их и то, что весной 1926 г. “наклон горы, где находится могила Пушкина и древняя церковь XVI в., начинает оползать”, а “цементная облицовка могилы Пушкина дала несколько капитальных трещин”. Псковский губисполком поставил об этом в известность Ленинградское отделение Главнауки и просил принять меры к охране “ пушкинского холма”.⁶

Об этом был поставлен в известность и нарком просвещения А.В. Луначарский, посетивший пушкинские места в начале июля 1926 г. “Вопреки газетным сведениям о разрушающейся будто бы могиле великого поэта, она оказалась в удовлетворительном состоянии, - писал в репортаже по ито-

гам визита наркома корреспондент. - Грозит обвалом только стена, непосредственно прилегающая не к могиле, а к церкви. Тут же А.В. Луначарский сделал распоряжение о вызове техников для составления сметы и представления вместе с докладной запиской правительству о срочном укреплении стены. Точно также никаких повреждений, никаких хулиганских надписей на могиле Пушкина не оказалось. Могила найдена в исправности. Сообщение газет о вывозке 60 возов мусора с могилы Пушкина оказалось тоже не совсем правильным. Действительно, мусор вывозили, но не с могилы, а с дороги, лежащей внизу могилы, где обычно происходит скопление крестов во время ярмарочных дней".⁷

Работы по укреплению холма требовали времени, больших денежных средств и тщательного исследования. "Чтобы укрепить могильный холм, - подчеркивал активный член Псковского общества краеведения, специалист по естествознанию А.И. Дзенс-Литовский, - надо изучить его геологическое строение, об этом не думали ни строители памятника, ни ремонтники, и вышло, что "построили дом на песке".⁸ Но сделанного не воротить, поэтому оставался единственный путь - укрепление холма, что предполагалось делать в русле и в ходе всех остальных работ по благоустройству заповедника. Уже в январе 1927 г. заповеднику были отпущены первые 860 руб., тогда же Центральное бюро Краеведения заслушало доклад научного сотрудника Пушкинского дома П.М. Устимовича о положении дел в Пушкинском заповеднике и "отметило значительные в нем улучшения".⁹ В октябре

1926 г. в Ленинграде образовалось Общество друзей Пушкинского заповедника, имевшее целью "оказание материальной и научной поддержки заповеднику". С образованием общества "недопустимое внимание к уголку Пушкина" должно было "смениться действенной помощью общественности устройтелям заповедника в трудном деле его охраны и организации в нем культурно-просветительских учреждений". Председателем общества стал президент Академии наук А.П. Карпинский.¹⁰

И вот, несмотря на все это, "группа почитателей Пушкина" в преддверии 90-летия со дня гибели поэта выступает с инициативой переноса его праха в Ленинград. Двигали ими не только забота о спасении могилы Пушкина вследствие возможных оползней холма и цель приблизить ее к "истинным ценителям" таланта поэта, но и неверие в то, что в "Пушкинском уголке", удаленном от столиц и магистральных научных сил, вообще можно что-либо сделать в деле спасения памяти о Пушкине. Подпитывали эту идею, как уже подчеркивалось, публикации прессы о "гибели" заповедных мест, а также дух времени, когда удаление святых мощей, осквернение могил, ликвидация отдельных захоронений и целых кладбищ стали обычными явлениями. Перезахоронение под видом спасения праха от уничтожения, тем более Пушкина, вообще выглядело чуть ли не подвигом. Но, как и следовало ожидать, предложение это вызвало неоднозначную реакцию.

Оно встретило "определенно отрицательное отношение со стороны многих видных пушкинистов"¹¹ и местной общественности. В

день 90-летия со дня смерти поэта в Пушкинских Горах состоялось собрание жителей поселка и окрестных деревень с общим количеством присутствовавших до 350 человек, которые встретили предложение о переносе праха А.С. Пушкина «с величайшим негодованием» и даже называли его «погромом исторического памятника, дорогого всему Союзу и Псковской губернии в особенности», ссылаясь при этом на то, что «сам поэт в стихотворении «К художнику» определенно высказывает отвращение к городским кладбищам». Отрицательно отнеслись к этой идее общие собрания работников просвещения Пушкинской волости, а также других организаций, которые признали «более целесообразным обратить внимание на ремонт могилы поэта и древнего храма (времен И. Грозного, 1569 г.), как тоже ценного историко-архитектурного памятника, связанного с именем поэта и местом его погребения».

15 марта 1927 г. вопрос был вынесен на рассмотрение XVII Опочецкого уездного съезда Советов, который, заслушав информацию заведующего Пушкинским заповедником Ф.П.Павлова, «после оживленного обмена мнениями» постановил «категорически протестовать» против ходатайства о переносе праха Пушкина, так как оно «нарушает ясно выраженную волю поэта, указавшего место для своей могилы рядом с могилой своей матери в бывшем Святогорском монастыре (ныне Пушкинские Горы). Это свое желание поэт подтверждает в стихах «К художнику» и «Брожу ли я вдоль улиц шумных» словами:

*Хоть бесчувственному телу
равно повсюду истлеть,*

*Но ближе к милому пределу
мне все ж хотелось почивать. . .*

Этим милым пределом для А.С. Пушкина, несомненно, являются дивные по своей красоте и уюту места теперешнего заповедника - Пушкинского уголка... "Это - колыбель для гениального творчества, столь любимая и воспетая поэтом в его произведениях, - говорилось далее в резолюции съезда. - Красоту и поэтичность места признавал и нарком А.В.Луначарский, посетивший заповедник летом 1926 г. Царский же Питер не мог быть желанным местом для вечного успокоения поэта, тот Питер сумел только оборвать жизнь поэта и безвременно злодейски его убить. Те же средства, которые потребовались бы для перенесения праха поэта, лучше употребить на охрану могилы его, как исторического и дорогого для всего русского народа памятника". Наконец, съезд постановил "принять самое деятельное участие в работе возникшего общества друзей заповедника в с. Михайловском ..., а равно участвовать в устройстве экскурсионной базы", "признать действительно необходимым для увековечения памяти нашего великого поэта А.С.Пушкина в Пушкинских Горах, где он провел годы своей ссылки, где вырос его могучий творческий гений и где в настоящее время покоится его прах, открыть для трудящихся трудовую школу II ступени его имени, а также народный университет для взрослых".¹²

Разговоры о переносе праха А.С.Пушкина постепенно утихли, хотя опасения относительно сохранности «пушкинского холма», являвшиеся одним из главных аргументов сторонников перезахоро-

нения, были вовсе небезосновательными: 5 июня 1927 г. часть внутренней монастырской стены обрушилась. "Обвал стены и оползень горы произошли на протяжении 10 саженей с северной стороны холма, - сообщала газета "Псковский набат". - Причиной оползней является, по-видимому, просачивание дождевой воды, т.к. стена рухнула после страшного ливня в 7 часов вечера 5 июня. Обнаруживаются признаки дальнейшего оседания почвы, что грозит разрушением храма - ныне музея, который от края обрыва отстоит всего на расстоянии 7 аршин"¹³ В течение месяца после обвала ширина оставшейся площадки сузилась до шести шагов. Тогда художественно-реставрационный отдел при Главнауке принял решение начать экстренные работы по восстановлению ограды и закреплению холма, ассигновав на эти цели 1000 руб.; реставрационные работы начались уже в июле 1927 г.¹⁴

Этот печальный факт не мог заслонить тех благоприятных перемен, которые происходили в "Пушкинском уголке" с 1926-1927 гг. Об этом единодушно свидетельствовали отзывы посетивших его, а также сообщения печати. "Положение Пушкинского заповедника улучшилось, - писал, например, в мае 1927 г. псковский краевед К.А.Иеропольский. - Пушкинскому дому удалось добиться разрешения в благоприятном смысле весьма существенного для заповедника вопроса о сдаче в аренду принадлежавших ему угодий. Заповедник хлопочет об отпуске средств на устройство лесных кордонов, без чего охрана леса весьма затруднительна. Впрочем, уже и в нынешнем году порубка сократилась в 3

раза. В Президиуме Академии Наук в ближайшее время будет рассмотрен вопрос о передаче в ведение Пушкинского дома научно-художественной охраны заповедника. Главнаука ассигновала 1000 руб. на музей, 368 руб. - на ремонт зданий. Уже выделены средства на приобретение необходимого инвентаря для экскурсионной базы. Помощь по охране могилы поэта оказывает местная ШКМ... Из местной молодежи образовалась ячейка "Юных друзей охраны природы Пушкинского заповедника"¹⁵ Насколько разительно отличаются настоящие свидетельства К.А.Иеропольского от им же написанного год назад!

"Пушкинские места начинают лучше охраняться, - добавляла газета "Псковский набат", - порубки в заповеднике за последние месяцы сошли на нет. Предприняты восстановительные работы лесницы от пепелища, на месте сгоревшего дома Пушкина, к реке Сороти. Начинают прибывать первые экскурсанты, открыта экскурсионная база на 40 человек"¹⁶ А еще через два месяца К.А.Иеропольский вновь сообщал: "Каждое лето в Пушкинских местах большой наплыв экскурсантов. За последние месяцы тут перебивало 1000 человек - учителя, студенты, служащие, рабочие. Особенно много просвещенцев, больше всего приезжают из Ленинграда. . . В Михайловском заканчивается ремонт дома - бывшего общежития престарелых писателей (Главнаукой для этой цели отпущено 1 500 руб.), в котором в начале августа будет открыт музей.

В Тригорском парк поражает дикой красотой, в Михайловском - отменным порядком - подстриже-

ны деревья, проложены дорожки, разбиты клумбы, поставлены лавочки, восстановлена лестница к голубой Сороти. . .”¹⁷

За 9 месяцев 1927 года Пушкинский заповедник посетили 1618 человек.¹⁸

В 1926 г. в числе прочих критических замечаний в адрес “уголка” было и то, что “полтора года заповедник фактически находится без ответственного руководителя вследствие того, что уездные власти неизменно отводят кандидатов Главнауки и Академии Наук, а последняя не утверждает уездных кандидатов, как не подготовленных к ответственной работе по управлению заповедником”.¹⁹ На это замечание последовал ответ председателя Опочецкого уисполкома Иванова, что “заповедник никогда без ответственного руководителя не был и уисполком никаких кандидатов Главнауки не отводил; при чем всякое назначение руководителей происходило с согласия соответствующих организаций”.²⁰ В декабре 1925 г. Президиум Опочецкого уисполкома назначил исполняющим обязанности заведующего заповедником учителя Еженской школы Федора Павловича Павлова, а в феврале 1926 г. это назначение утвердила Главнаука, “но, учитывая, что Павлов не имеет опыта ни в области музейной, ни в ведении сельского хозяйства, каковое имеется в заповеднике, а также, что он совершенно Главнауке не известен, Главнаука назначила Павлова временно исполняющим обязанности заведующего заповедником с тем, чтобы в дальнейшем при наличии соответствующего кандидата дать возможность заменить тов. Павлова”.²¹

Хотя Ф.П.Павлов опыта музейной работы не имел, он энергично взялся за порученное дело, и те положительные перемены в заповеднике, о которых сообщалось выше, были напрямую связаны с его усилиями. Он же был в числе тех, кто активно выступил против предложения о переносе праха А.С.Пушкина в Ленинград. В октябре 1926 г. с работой заповедника и его заведующего ознакомились сотрудник Центрального бюро краеведения А.Хордикайнен и сотрудник Пушкинского дома П.Устимович, по материалам которых 29 октября Особое совещание по научно-художественной охране Пушкинского заповедника²² постановило: “Утвердить ныне исполняющего обязанности заведующего Ф.П.Павлова в должности заведующего. Названный Ф.П.Павлов за время своей деятельности в течение истекших 10 месяцев проявил себя как работник, отвечающий своему назначению. В лице Ф.П.Павлова Пушкинский уголок приобрел соответствующего его интересам хорошего культурного руководителя, близко принимающего к сердцу все разнообразные интересы и научные задания заповедника”. Назначение это подписали председатель Центрального бюро краеведения Н.Марр, ученый секретарь бюро Д.Святский и научный сотрудник Пушкинского Дома П.Устимович.²³

Прошел год, заполненный напряженным трудом коллектива заповедника, и эти похвальные отзывы высоких научных учреждений в адрес заведующего оказались забытыми.

24 декабря 1927 г. Пушкинский райисполком²⁴ принял решение о проверке хозяйства заповед-

ника, сформировав для этого специальную комиссию в составе члена райисполкома Никитина, уполномоченного ОГПУ Бедерова, инспектора РОНО Федоренкова и служащего заповедника Петрова. Осмотр хозяйства производился в присутствии заведующего "уголком" Ф.П.Павлова и оказался очень скорым: уже на следующий день, 25 декабря, был готов акт. Комиссия вскрыла ряд существенных недостатков чисто хозяйственного порядка: отсутствие печей в пунктах охраны лесного хозяйства, небрежное отношение стражи к хранению оружия, остаются неубранными деревья, поваленные буреломом, молочное хозяйство ведется беспорядочно, отсутствует надлежащий учет зерна, фуража и денежных средств и т.п., а в заключении акта записала "замечание" в адрес заведующего: "За грном Павловым, за последнее время в особенности, наблюдаются различные странности, как-то: вывешивание икон в своей квартире и "рекомендации", вследствие которых были вывешены иконы и в квартирах служащих, ему подчиненных, до этого подобного рода предметами не пользовавшихся".²⁵

С этого и началось. Вывод комиссии не остался незамеченным: в канун нового 1928 г. на первой странице "Псковского набата" был напечатан фельетон "Монастырь в Пушкинском заповеднике". <<"В Пушкинском уголке (Пушкинский район) заведует государственным памяти А.С.Пушкина заповедником некто Ф.П.Палов, - вещал автор, подписавшийся "В.С." - Как пишут местные ребята, Павлов "проповедует Иисуса Христа": повесил в помещениях иконы, вешает на шею служащих крестики, своим подчи-

ненным - лесникам госзаповедника - Павлов предлагает обязательно иметь иконы. В школе Павлов преподает пение (видимо, с разрешения Окроно?) и детей напутствует речами "с господом Иисусом Христом">>. Далее сообщалось, что на собрания Общества друзей Пушкинского заповедника Павлов наряду со служащими советских учреждений приглашал священнослужителей, следовательно, "Пушкинский заповедник превращается в рассадник мракобесия", "Главному еще год назад было известно, что Павлов явно свихнувшийся человек", что возможен "переход тихого помещательства Павлова в буйное", а по сему "никак не вяжется, чтобы на советской службе мы держали хотя бы и не совсем помешанного распространителя и проповедника религиозного обмана..." В фельетоне содержались выпады и в адрес Главнауки, которая "охраняет и приветствует бюрократизм и кумовство больше, чем памятники искусства и старины, которыми она ведает", имея в виду "попустительство" ее по отношению к Ф.П.Павлову, а в конце - "мудрый" совет: "Пусть главнауковские бюрократы (а может быть и кумовья?) пристроят милого их сердцу Павлова - в соответствии с его склонностями - попиком в одну из церквей".²⁶

6 января 1928 г. состоялось заседание Президиума Пушкинского райисполкома, где констатировалось: "Павлов Ф.П. за последнее время стал вести себя вызывающе по причине его психического расстройства, что видно из поданного в РИК заявления рабочих заповедника... В данное время Павлов находится на излечении в гор. Ленинграде, как психически

больной, а потому для пользы дела Президиум РИК ходатайствует перед Главнаукой о снятии тов. Павлова с занимаемой должности. На время заболевания заведование Пушкинским заповедником поручить служащему заповедника Петрову М.»²⁷ В распоряжении райисполкома было указанное заявление служащих с «неопровержимыми доказательствами» «психического заболевания» заведующего: «Просим убрать заведующего государственным заповедником Ф.Павлова ввиду того, что он совершенно ненормальный. Всю ночь на 24/ХІІ проходил по лесу, а сейчас утром ходит с песнями. . . Не дает нам никакого покоя»,²⁸ а также показания двух членов ВКП(б) относительно фактов, приводившихся в фельетоне: «Заведующий Пушкинским заповедником Павлов Ф.П. в нынешнюю зиму получил, якобы от округа, разрешение обучать в школе детей музыке и пению, - писал член Зарецкой партийки Михайлов. - Нашу школу в д. Зимарях посещал два раза в неделю и учил детей петь божественные песни, на что дети начали жаловаться. Тогда я, как член партии, заинтересовался этим вопросом и пошел проверить эти факты, что действительно подтвердилось, и когда я стал беседовать с тов. Павловым, тогда он меня выгнал из школы и заявил, что нам безбожников не нужно, которые не верят в Христа. А также всем своим служащим повесил в квартирах иконы и хотел заставить носить кресты, угрожал уволить со службы. Тогда я обратился в райком с заявлением».²⁹

Другая записка исходила от члена Пушкинской партийки Бедерова, бывшего членом комис-

сии по проверке заповедника: «Факт, изложенный в заметке «Набата», действительно правильный, - писал он. - Я лично участвовал в комиссии по обследованию заповедника, где было установлено, что Павлов действительно предложил своим рабочим вывесить обязательно иконы... Сам же Павлов также в своей квартире повесил иконы. На мой вопрос ответил - раньше стеснялся представителей Советской власти и не давал им вида, что религиозен, а сейчас не хочет себя больше обманывать. Относительно приглашения в общество друзей заповедника Павлов заявил, что членом общества может состоять любой человек, выполняющий устав общества, и в данном случае не лишается права и священник состоять в обществе».³⁰

27 января 1928 г. Пушкинский райисполком вторично рассмотрел вопрос «О заведующем Пушкинским государственным заповедником тов. Павлове Ф.П.»: «Тов. Павлов Ф.П. творит ненормальные выходы, - отмечалось в принятом постановлении, - как-то: вторгается в школы I-й ступени и преподает духовное пение ученикам без разрешения заведующих школ, до фанатизма заразился религиозными чувствами и навязывает свои религиозные чувства окружающему населению и служащим... Со служащими заповедника отношения обострил до крайности...» В подтверждение приводились «доказательства», что заведующий разрешил срубить в заповеднике более 30 елок для празднования Рождества, загнал «бесцельными поездками по ночам» лошадь, «в силу чего хозяйство падает и в дальнейшем грозит развалом», а

поэтому райисполком "постановил срочно возбудить ходатайство перед Псковским окрисполкомом об отстранении от должности заведующего Пушкинским госзаповедником Павлова Ф.П. и назначении другого".³¹

Освобождение Ф.П.Павлова последовало, видимо, вскоре, так как в письме Псковского окрисполкома в Главнауку от 2 апреля 1928 г. сообщалось: "Павлов ныне не состоит заведующим госзаповедником, а работает в качестве научного сотрудника при заповеднике. Случаи приглашения на собрание членов общества друзей Пушкинского заповедника служителей религиозного культа имели место. По мнению РКИ он должен быть снят с работы научного сотрудника... Со стороны РК ВКП(б) и РИКа возбужден перед Главнаукой вопрос о замене Павлова".³²

Так в 1928 г. заповедник лишился руководителя, на деле доказавшего способность возглавлять "культурный уголок". Власти воспользовались "психическим заболеванием" Ф.П.Павлова, чему серьезных доказательств в общем-то не было, чтобы избавиться от него, как человека, "идеологически не отвечающего" требованиям времени, т.е. верующего, религиозного. Это было лишь эпизодом развернувшейся кампании "воинствующего атеизма", особенно усилившейся с началом первой пятилетки, объявленной "пятилеткой безбожия", а также нарастанием гонений "старых спецов". Приведенные выше документы со всей очевидностью доказывают, что "дело" Ф.П.Павлова было инициировано руководством Пушкинского района и поддержано окружными властями, ибо без их ведома опубли-

ковать на первой странице окружной газеты фельетон с резкими выпадами не только в адрес заведующего, но и Главнауки редакция ее вряд ли осмелилась бы. Мы не можем установить прямой связи "дела" заведующего с его твердой позицией противника перезахоронения праха А.С.Пушкина, но, как нам кажется, полностью исключать возможность таковой нельзя. Берем смелость предположить, что власть предержащие могли вспомнить и об этом: дескать, выступал против переноса праха, недооценил опасность оползней холма, а стена-то рухнула! Вот Вам пример руководства "психически больного" заведующего, "религиозного фанатика", не пожелавшего совершить "грех" - перезахоронить поэта!

Но коль скоро обвал стены все же произошел, оползни продолжались, а реставрационные работы задерживались, то следовало за устранением заведующего исправлять его "ошибки" и "промахи". И 25 мая 1928 г. Пушкинский райисполком принимает "атеистическое" решение: "Принимая во внимание, что церковь, находящаяся в Пушкинах на холме имени Пушкина, с каждым годом разрушается и в данное время грозит обвалом, могущим принести большие убытки, восстановить же ее нет никакой целесообразности, т.к. она для Главнауки не является особо исторической, да к тому же на ее восстановление пришлось бы затратить громадные средства, что противоречило бы хозяйственной целесообразности, ввиду этого Президиум РИКа ходатайствует перед Псковским окрисполкомом о выдаче разрешения на право разборки означенной церкви".³³

К счастью, поистине варварское решение, проникнутое духом утвердившихся в то время в обществе идей “национального нигилизма”, пренебрежением к национальному прошлому, выполнено не было. В дело вовремя вмешалась Ленинградская реставрационная мастерская Главнауки, признавшая “ходатайство Пушкинского РИКа о разрешении сноса церкви на Пушкинском холме совершенно необоснованным”. “Здание церкви вполне прочно и нигде не обнаруживается никаких признаков разрушения и грозящего развала, - отмечалось в “Заключении”, подписанном заведующим мастерской Удаленковым. - Имеющиеся в двух местах трещины совершенно не имеют серьезного значения и находятся в стенах поздних пристроек, каковые реставрационная мастерская предлагает снести. Что же касается главной части здания, построенной при Иоанне Грозном, и колокольни, построенной в начале XIX века, то состояние таковых совершенно прочно и не вызывает никаких опасений. К сожалению, разобранный при утверждении антенны крыша на шпиле колокольни местным РИКом не была заделана и, пропуская свободно дождевую воду, явилась причиной частичного загнивания стропил, что легко может быть исправлено при ремонте крыши. Соображения об исторической малоценности здания совершенно отпадают, т.к. оно построено в 1571 г. и архитектура его имеет отличные признаки псковского зодчества XVI в., чрезвычайно ценные в художественно-историческом отношении. Равным образом и колокольня, построенная в 1822 году, имеет свое особое художественно-историческое значение. Следовательно, снятие этих памятников с учета Главнауки невозможно.

Хотя о сносе упомянутой церкви не может быть и речи, но необходимо было бы принять во внимание и то, что могила Пушкина неразрывно связана с бывшей при ней монастырской церковью, что уничтожение последней совершенно разрушило бы тот художественный ансамбль и тот своеобразный характер этого Пушкинского уголка, который неразрывно связан с памятью о поэте и, наверное, встретит самые резкие возражения всего культурного мира”.³⁴

Об этом “Заключении” Псковский окрисполком информировал руководство Пушкинского района,³⁵ и райисполком вынужден был 7 сентября 1928 г. во изменение прежнего своего решения принять новое: “Бывшую церковь, как связанную с могилой А.С.Пушкина и как музейное имущество, передать в распоряжение Главнауки”.³⁶

В результате уникальный ансамбль - некрополь Ганнибалов-Пушкиных и Успенский собор бывшего Святогорского монастыря на Синичьей горе - был сохранен. Побывавший через год после этих событий в Пушкинском заповеднике краевед А.К.Гладкий, автор многих работ о “пушкиниане”, писал: “Заповедник, благодаря заботам власти и особенно попечительству Пушкинского дома и общества друзей заповедника, находится в удовлетворительном состоянии. Здесь не только не заметно следов былой разрухи, напротив - широко развивается хозяйственное строительство...”

У церкви кроме памятника Пушкину и каменных плит на могилах Ганнибалов никаких других могил теперь нет. Площадка сравнена и подсыпана песком и щебнем. По обеим сторонам мраморной балюстрады амфитеатром устроены скамейки со спинками,

здесь удобно провести митинг, собрание, читать лекции и доклады о Пушкине.

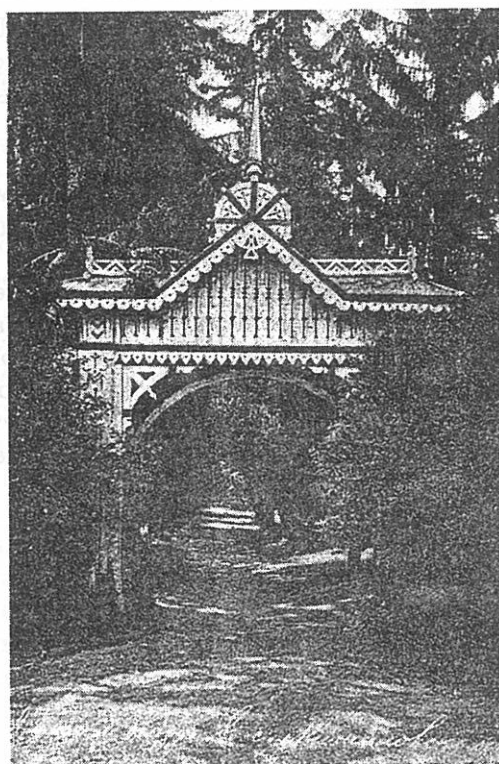
Михайловское представляет вполне культурный уголок. Производит благоприятное впечатление отремонтированный и благоустроенный Пушкинский музей, где имеется обстановка Пушкинского времени, некоторые реликвии и рукописи, портреты родных и друзей Пушкина, картины, литографии, рисующие жизнь и творчество Пушкина. В музее имеется достаточно хорошая библиотека -

“Пушкиниана”... Некоторую грусть навеивает Тригорское, имеющее вид запущенной усадьбы”.³⁷

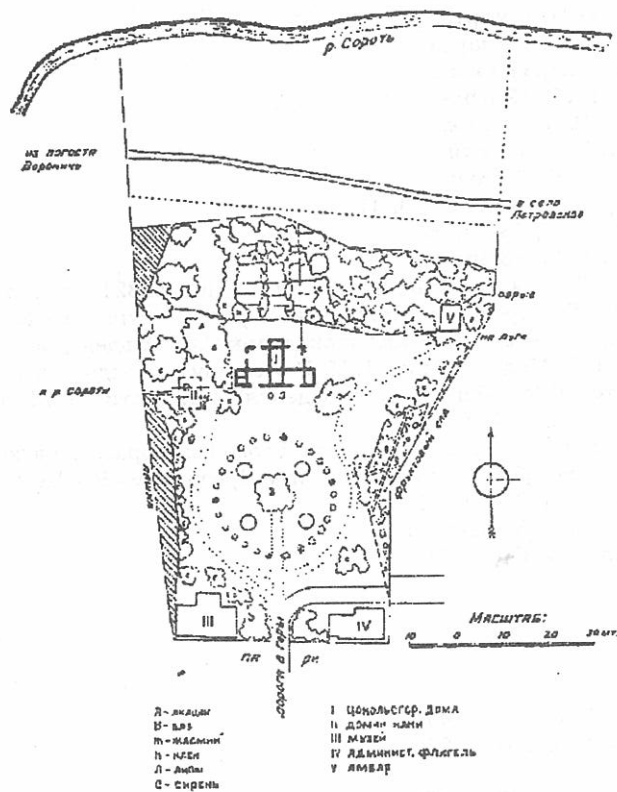
Конечно, не все благополучно обстояло и в Михайловском, где еще были заметны следы погрома 1918 г. в виде фундамента от сгоравшего тогда дома А.С. Пушкина. Тем не менее “Пушкинский уголок” благоустроивался, привлекал все больше экскурсантов несмотря на трудности объективного характера и утвердившиеся в стране идеологические догмы.

Примечания

1. Правда. 1927, 17 февраля; Псковский набат. 1927, 6 марта.
2. Псковский набат. 1925, 30 сентября.
3. Псковский набат. 1926, 23 марта.
4. Псковский набат. 1925, 17 ноября.
5. Псковский набат. 1926, 18 апреля.
6. Псковский набат. 1926, 1 мая.
7. Псковский набат. 1926, 2 июля.
8. Псковский набат. 1926, 24 октября.
9. Псковский набат. 1927, 25 января.
10. Псковский набат. 1926, 21 декабря.
11. Псковский набат. 1927, 6 марта.
12. Псковский набат. 1927, 15 марта.
13. Псковский набат. 1927, 17 июня.
14. Псковский набат. 1927, 19 июля.
15. Псковский набат. 1927, 21 мая.
16. Псковский набат. 1927, 29 мая.
17. Псковский набат. 1927, 19 июля.
18. ГАПО, ф. 324, оп. 1, д. 250, лл. 10, 11.
19. Псковский набат. 1926, 23 марта.
20. Псковский набат. 1926, 18 апреля.
21. Псковский набат. 1926, 24 февраля; ГАПО, ф. 324, оп. 1, д. 250, лл. 90, 92.
22. Особое совещание об устройстве “Пушкинского уголка” существовало при Академии наук с 1922 г. Председателем его являлся академик С.Ф. Ольденбург, членами - академик Е.Ф. Карский, Б.Л. Модзалевский, П.М. Устимович (последние двое - от Пушкинского Дома), Д. Святский (от общества краеведения). //Известия. 1924, 5 июня.
23. ГАПО, ф. 324, оп. 1, д. 250, л. 93.
24. Пушкинский район (центр - пос. Пушкинские Горы) был образован в составе Псковского округа Ленинградской области постановлением Президиума ВЦИК от 1 августа 1927 г.
25. ГАПО, ф. 324, оп. 1, д. 250, л. 82.
26. Псковский набат. 1927, 31 декабря.
27. ГАПО, ф. 324, оп.1, д. 250, л. 81.
28. Там же. Л. 83.
29. Там же. Л. 85.
30. Там же. Л. 86.
31. Там же. Л. 78.
32. Там же. Л. 84.
33. ГАПО, ф. 324, оп.1, д. 42, л. 180.
34. ГАПО, ф. 324, оп.1, д. 250, л. 269.
35. Там же. Л. 271.
36. Там же, ф. 324, оп.1, д. 42, л. 230.
37. Псковский набат. 1929, 31 июля.

Въездные ворота в Михайловском.

План усадьбы в Михайловском
по чертежу арх. худ. С. С. Некрасова, исполненному с натуры
в 1924 г.